ИНЕРЦИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 316.4.06

М.С. ИЛЬЧЕНКО

Рассмотрение инерционности как одной из ключевых характеристик развития российской политической системы уже давно стало привычным для отечественных исследователей. К этому фактору в своих объяснительных схемах апеллируют представители различных подходов и методологических традиций. Вместе с тем, на фоне выявления эффектов «замедленного» и «тормозящего» развития при анализе разнообразных явлений российской политики трактовка понятия инерционности нередко становится предельно размытой. В него вкладываются смыслы и значения, указывающие на процессы, качественно различные по своему характеру. Причём в каждом случае фактор инерционности встраивается в особую логику объяснения развития политической системы, подчёркивая значимость различных механизмов её воспроизводства. Рассмотрение этих логических схем позволяет выявить утвердившиеся в исследовательской практике способы интерпретации инерционных явлений в российской политике, оценить их преимущества и недостатки, а также адекватность использования в современной ситуации.

Концепции зависимости от исторического пути: почему прошлое имеет значение

Изучение инерционных явлений в политической жизни сопряжено с очевидными методологическими трудностями. Проблему представляет не только поиск инструментов выявления и фиксации инерционных эффектов, но и определение изначальных критериев при анализе самого явления инерции: в каких временных границах рассматривать инерционные процессы, в какой форме анализировать соответствующую последовательность событий и что, в конечном итоге, считать самой единицей анализа. Основной методологический ракурс рассмотрения инерции в социально-политических науках был сформирован теорией path dependence (зависимости от исторического пути развития). Заимствованная из экономической науки, эта теория попыталась адаптировать в политических исследованиях свой ключевой принцип – «история имеет значение» [6, с. 120]. Однако утверждение о том, что «отдельные события прошлого в состоянии вызывать значимые эффекты в будущем» [11, с. 457] давало поле для широкого круга интерпретаций. Подобные рамки позволяли усматривать «значимость истории» в совершенно различных исторических процессах как с точки зрения их масштабов, так и логики развития. В результате под определение «зависимости от предшествующего пути» попали процессы, принципиально отличные по самой своей природе. Так, в одних случаях речь шла о траектории развития, которая задаётся устойчивым воспроизводством определённого институционального образца (результата), т.е. процессах, основанных на положительной обратной связи [12]. А в других – о цепи исторических событий, каждое из которых выступает реакцией на другое, образовывая событийную последовательность, скрепляемую «внутренней логикой» развития [9, с. 445].

В строгом смысле слова, об инерции можно говорить лишь в отношении процессов первого типа, когда сама траектория развития определяется действием устойчивых механизмов воспроизводства, обнаруживающих зависимость прошлого в повторяющемся и «длящемся» присутствии его эффектов. Но для многих исследователей инерция оказалась различима и в более широком историческом контексте. Её эффекты стали видеть в самом форми-

*Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-7073.2013.6).

ровании цепочки исторических событий и действии механизмов встречной реакции при «столкновении» этих событий друг с другом [10, с. 511].

Несмотря на все различия в трактовках «зависимости от исторического пути», вхождение этой концепции в исследовательское поле политической науки обозначило, по крайней мере, два обязательных условия для изучения инерционных явлений. Во-первых, рассмотрение инерции оказалось неразрывно связано с анализом фактора истории, который предполагал выявление в ходе исследования тех устойчивых эффектов, которые предшествующие события в состоянии производить на текущее состояние процесса. Во-вторых, и это особенно значимо, инерция стала рассматриваться в качестве «природного» свойства институтов. Именно институты позволили увидеть связь между прошлым и настоящим, дающую возможность говорить о «траектории» и «историческом пути». Тем самым стал очевиден основной объект анализа при изучении инерционных явлений, а заодно и ключевой посыл нового направления исследований: прошлое не просто влияет на существующее положение вещей, но и неизменно присутствует в настоящем.

Инерционные эффекты и «русская колея»

Объяснение особенностей развития российской политической системы опытом недавнего исторического прошлого стало общеупотребительным, начиная с формирования новых государственных институтов в начале 1990-х годов. Неожиданно возникающие эффекты в функционировании новых механизмов управления, не согласующиеся с логикой демократических преобразований, списывались на счёт специфики политической традиции. Утверждение в исследовательской практике концепций зависимости от исторического пути придало этим рассуждениям более строгий упорядоченный вид. Специфика национально-исторического опыта оказалась помещена в методологические рамки особой «траектории развития», эффект которой вынуждены неизбежно воспроизводить государственные институты под давлением практически не изменяющихся социальных структур. Для различных подходов такая постановка проблемы объясняла различные явления: «особость» российского случая трансформации, трудности в реализации социально-экономических реформ, общую неготовность населения к восприятию новых демократических ценностей. Принцип «история имеет значение» получал в этом контексте почти буквальную трактовку. В роли «эффектов прошлого» выступал сам ход исторического процесса, а инерционность политической системы определялась неизбежным следованием общей колее развития [7]. Получив распространение среди исследователей различных направлений, такой взгляд на инерционность развития политических институтов в России особенно прочно утвердился в объяснительных схемах сторонников социокультурных концепций с их традиционными акцентами на «исторических циклах» [1] и социетальных структурах [4].

Основная особенность сложившегося в этих методологических рамках подхода к инерции – её рассмотрение в качестве естественной, исходно присущей политической системе черты. Инерция оказывается заложенной в саму культурную матрицу общества, являясь частью сформировавшегося за столетия комплекса ценностей и привычек. В этом смысле она выступает трудно измеримым феноменом. Ведь инерционные эффекты проявляют себя не в форме механизмов воспроизводства, а приобретают характер «врождённого свойства» самой системы. При этом под институтами в данном случае понимаются скорее макроисторические структуры, нежели конкретные модели взаимодействия. В условиях, когда «общество движется по глубокой и вязкой колее, из которой неимоверно трудно выбраться» [3, с. 94], режимы функционирования системных механизмов отходят на второй план. Взгляд исследователя оказывается направленным, прежде всего, на рассмотрение общих факторов формирования этой колеи и лишь во вторую очередь – на поиск причин сохранения ею устойчивости в меняющихся исторических обстоятельствах.

Недостатки подобного взгляда вполне очевидны. Прошлое в его фокусе предстаёт тяжёлым наследием, устойчивой доминантой, довлеющей над развитием политической системы. Зависимость от предшествующего пути становится зависимостью от самого хода исторического процесса во всём масштабе его проявлений. Как следствие, это ведёт либо к предельной обобщённости выводов, либо к их описательности. Так, например, объясняя инертность российских политических институтов устойчивостью принципов патернализма, исследователи, работающие

в рамках обозначенной традиции, обычно связывают эти принципы с ментальными структурами и свойствами политической культуры. При этом в стороне остаются как раз те области, анализ которых в состоянии объяснить институциональную природу патерналистских форм власти: утверждение практик государственного управления, воспроизводство институтов бюрократической организации, изменение моделей межэлитных взаимодействий и пр.

Стоит заметить, что попытка увязать инерционные явления с понятиями менталитета, политической культуры и исторической колеи изначально делает оценку роли инерции в воспроизводстве политического порядка современной России достаточно односторонней. Сдерживающая, тормозящая роль инерционных механизмов в становлении новых политических институтов не вызывает сомнений. Однако, во-первых, это не отменяет необходимости анализировать такие механизмы в их изменении, выявляя особенности режимов их функционирования в различных институциональных условиях. А, во-вторых, фактор «торможения» не исключает способности инерционных механизмов производить определённый стабилизирующий эффект на систему политических институтов. И та и другая характеристика являются принципиально важными при анализе трансформации российского политического порядка, однако они попадают в фокус внимания других подходов.

Инерция и рациональный выбор в российской политике: границы возможностей

Отличительной особенностью анализа инерции в рамках теории рационального выбора и сопряжённых с ней «экономических» подходов стало её рассмотрение в качестве фактора взаимодействия политических субъектов. Вместо свойства, присущего абстрактному, довлеющему над политической системой «прошлому», инерция предстала в виде исходного ограничения, накладываемого на политических акторов и возможности их политического выбора. Это вполне соответствовало духу концепций, рассматривающих взаимодействия рациональных субъектов: инерционные явления воспринимались в качестве сдерживающего фактора в становлении новой институциональной системы, но, в сравнении с социокультурными подходами, оказывались более осязаемыми и определёнными. Прошлое с накопленным им «наследием» становилось наблюдаемым «здесь и сейчас», приобретая вполне функциональный смысл. Воздействия прошлого рассматривались как основная преграда в формировании системы новых эффективных институтов. Как следствие, ключевым условием нормального функционирования политической системы виделось «преодоление устойчивой инертной институциональной среды» [5, с. 6].

Такой взгляд не позволял увидеть особенности закрепления инерционных механизмов и формы их существования, но при этом давал возможность оценить их эффекты и воздействие на функционирование новых институтов. Для исследователя оказывалось неважно, какой именно тип клиентелистских и персоналистских отношений препятствует установлению универсальных правил игры во взаимодействии элитных групп, и какие изменения он успел претерпеть. Главное, что теперь перед ним открывалась полная картина относительно «стартовых возможностей» конкретного политического актора, которая давала представление о том, чем ограничен его выбор, какой набор ресурсов и средств находится в его распоряжении, и что именно затрудняет использование той или иной стратегии.

Принципиально важно, что несмотря на всю мощь сдерживающего фактора инерционность институтов в таком контексте перестала восприниматься в качестве непреодолимой силы. Даже если субъекты по-прежнему оказывались не в состоянии изменить институциональные условия их существования, они уже не рассматривались в качестве тех, кто обречённо следует заданной колее развития. Кроме того, и сама колея стала оцениваться не столь однозначно. Сохраняя за собой свойство предопределять общее направление развития системы, она всё чаще стала рассматриваться как траектория, следование которой может быть объяснено не только исторической обусловленностью, но и вопросом выгоды в конкретной ситуации. За подчинением устойчивой логике развития появилась возможность угадывать стратегии конкретных политических субъектов. В инерционном воспроизводстве институциональной среды, таким образом, могло прочитываться не только действие «эффектов прошлого», но и «заинтересованность в сохранении стабильной последовательности неэффективных институтов» [5, с. 14]. Сохранение такого состояния, помимо прочего, могло быть объяснено и излишне высокими из-

держками в случае отступления от заданной траектории развития [13, с. 252].

Ситуация, когда следование «неэффективным» институтам оказывается предпочтительнее использования новых формальных правил игры, обнаруживает себя в анализе стратегий российской политической элиты как периода 1990-х годов, так и в настоящий момент. Очевидно, что использование многочисленных «договорных» практик «советского наследия» в качестве регуляторов взаимодействия существенно помогло политическим элитам сначала адаптироваться в условиях неопределённости, а затем вполне удачно скорректировать «под себя» новый институциональный дизайн.

Несмотря на придание фактору инерционного развития строгого функционального значения, «экономические» подходы отводят рассмотрению инерции далеко не главную роль. Инерционные эффекты оказываются значимы лишь в той мере, в какой определяют стратегию конкретного политического субъекта в конкретной ситуации. Они могут быть выявлены и подробно проанализированы, но в общем контексте институционального развития останутся лишь «ограничительными рамками» во взаимодействии акторов. Вместе с тем, именно благодаря теории рационального выбора инерция стала восприниматься не только как «тяжёлое наследие» прошлого, но и как комплекс устойчивых механизмов, которые способны производить на развитие политической системы различные эффекты. Для изучения режима воспроизводства современного российского политического порядка это представляется особенно важным.

Институциональная инерция и контуры российского политического порядка

Большинство подходов, так или иначе рассматривающих роль инерции в российской политике, как правило, упускают из внимания тот факт, что за последние два десятилетия в развитии политической системы успели сформироваться новые эффекты «торможения», которые уже невозможно объяснить одним лишь влиянием «советского прошлого». Эти эффекты стали результатом сложного процесса вживания, адаптации и постепенной модификации устойчивых практик «наследия» в новой реальности. «Прошлое», представлявшееся статичным и неизменным, оказалось способным принимать новые формы, осваиваясь в «незнакомой» институциональной среде.

Рассматривая очертания политического порядка, сложившегося сегодня в России, трудно удержаться от параллели с контурами той политической системы, которая характеризовала поздний этап развития советского государства. При анализе основных институциональных механизмов функционирования современной государственной машины отсылка к соответствующему историческому опыту напрашивается сама собой. Формы воспроизводства бюрократии, практики административного управления и клиентелизма, институты внутриэлитных взаимодействий заставляют искать истоки своей устойчивости в недавнем политическом прошлом страны и его институциональном «наследии». При этом вполне очевидно, что само это «наследие» за последнее время существенно преобразилось, пройдя через трансформации «переходного периода» и частые изменения в структурах государственного управления. В этом смысле сегодня мы имеем дело с другими институтами, практиками и моделями поведения, которые не теряют преемственной связи с прошлым, но при этом функционируют в новом режиме.

Роль инерции в таких условиях трудно свести к фактору простого ограничителя. Сохраняя своё сдерживающее воздействие, она одновременно приобретает свойство механизма, способного производить новые эффекты и обеспечивать устойчивость институционального порядка.

Наиболее полно эта идея раскрывается в рамках традиции исторического институционализма. В его логике влияние «наследия прошлого» на политический процесс значимо с точки зрения длительности присутствия в нём. Задачей исследователя становится обнаружение следов и формы такого присутствия. Поскольку влияние «наследия» воплощается в устойчивом воспроизводстве институтов, то именно институциональные связи становятся тем фактором, который обеспечивает преемственность эпох и их внутреннюю целостность.

Проявляя себя в длительности существования институциональных форм, инерция тем самым естественным образом выполняет структурирующую и упорядочивающую роль. Эта функция инерционных механизмов позволяет объяснить многие явления, возникающие в «переходных состояниях» трансформирующихся обществ. Так, в частности, не столь однозначной становится оценка «советского наследства» как тормозящего фактора в ста-

новлении и развитии новой российской политической системы. Если в условиях общей неопределённости, неясности заявленных стратегий развития и слабости формальных институтов система продолжает функционировать, сохраняя свою целостность, то причины этому стоит искать как раз в предшествующем опыте развития и устойчивости выработанных им регуляторов.

Но даже если акцентировать внимание исключительно на присущих инерционным механизмам эффектах «торможения», то в случае современной российской ситуации характер возникновения таких эффектов потребует дополнительного объяснения. Ведь появление новых форм «институциональных ловушек и блокировок» [8] в сегодняшних условиях довольно трудно интерпретировать через простое воспроизводство «устойчивых культурных матриц». На фоне общей смены институционального дизайна и многочисленных корректировок правил игры, произошедших за два последних десятилетия, отложенные эффекты «прошлого» настолько гармонично вписались в современный политический ландшафт, что оказались в нём едва различимы.

Стоит заметить, что анализ инерции в таком контексте в состоянии изменить саму оптику рассмотрения развития российской политической системы. Институциональная преемственность с советским прошлым кажется здесь настолько неразрывной, что заставляет задаться вопросом о том, где заканчиваются границы «старого» и складываются очертания «нового». В этой связи вполне закономерным выглядит вывод, согласно которому два последних десятилетия мы наблюдаем не столько формирование новой политической системы, сколько постепенный распад прежней, имея дело с «болезненным и противоречивым процессом разложения тоталитарного режима» [2].

Безусловно, рассмотрение политического развития в ракурсе исторического институционализма имеет очевидные недостатки. Этот подход оказывается уязвим при объяснении институциональных изменений и порой не в состоянии разглядеть за длительностью исторических этапов и влиянием инерции предпосылки будущих системных сдвигов. Однако при анализе инерционных процессов в современной России его использование представляется наиболее оправданным. Как показывает опыт последнего десятилетия, институциональное влияние прошлого в российской политике не только не ослабевает, но, наоборот, ощущается всё сильнее, производя совершенно неожиданные воздействия. Представляется, что сегодня анализ воспроизводства инерционных механизмов в российской политической системе может не только предложить более полную картину её функционирования, но и дать ответ на вопрос о том, стоит ли в ближайшем будущем ждать новых форм влияния неэффективных институтов на ход её развития.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
2. Гудков, Л. Проблема абортивной модернизации и мораль [Электронный ресурс] / Л. Гудков. URL: http://polit.ru/article/2008/11/21/gudkov/ (дата обращения: 10.04.2013).
3. Красин, Ю.А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора [Текст] / Ю.А. Красин // Мониторинг общественного мнения. 2012. Май-июнь. № 3. С. 92–99.
4. Лапин, Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация vs традиционализация [Текст] / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С. 32–39.
5. Либман, А.М. «Вторая трансформация» в постсоветских странах [Текст] / А.М. Либман // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 5–17.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997.
7. Олейник, А.Н. Преемственность и изменчивость превалирующей модели власти: «Эффект колеи» в российской истории [Текст] / А.Н. Олейник // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 52–66.
8. Патрушев, С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации [Текст] / С.В. Патрушев // Полис. 2011. № 6. С. 120–133.
9. Abbott, A. From Causes to Events: Notes on Narrative Positivism [Text] / A. Abbott // Sociological Methods and Research. 1992. Vol. 20, May, № 4. P. 428–455.
10. Mahoney, J. Path Dependence in Historical Sociology [Text] / J. Mahoney // Theory and Society. 2000. Vol. 29, May, № 4. P. 507–548.
11. Mahoney, J. Historical Context and Path Dependence [Text] / J. Mahoney, D. Schensul // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / R.E. Goodin, C. Tilly (ed.). Oxford, 2008. P. 454–471.
12. Orren, K. Belated Feudalism: Labor, the Law, and Liberal Development in the United States [Text] / K. Orren. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
13. Pierson, P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics [Text] / P. Pierson // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94, June, № 2. P. 251–267.